

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ И ПОСТАРЕВ — НЕ УСТАРЕТЬ!

Наш корреспондент Э. Кекелидзе беседует с народным артистом СССР Павлом Петровичем КАДОЧНИКОВЫМ.

— Павел Петрович, в одной из своих статей вы написали о том, что во время съемок фильма «Иван Грозный» Сергей Михайлович Эйзенштейн подарил вам свою фотографию с надписью «Дорогому «оборотню» Павлу, проходящему сотни извилистых путей с помощью одной свечки». Почему — «оборотню»?

— Да, он называл меня оборотнем. Почему? Ведь оборотень — это существо, которое может представлять в разных обликах, превращаться из одного в другое. Поскольку я артист характерный, то я играл разные роли, и на мне никогда не висел яркий штамп. Даже когда я играл героев — был в жизни такой период, когда играл я только героев, — они были разные. Что общего между Мересьевым из «Повести о настоящем человеке» или майором Федотовым из «Подвига разведчика» с Алексеем Мухомовым из фильма «Антон Иванович сердится»? Ничего, кроме человеческого доброго отношения к миру. В этом суть их похожести, но по поведению они совсем не схожи.

В фильме у Сергея Михайловича я сыграл умом прискорбного князя Владимира Старицкого, в третьей серии — очень волевого, сильного царского духовника Евстафия, «меньшого из рода Колычевых». В этой

же картине, в «Пешном действе» сыграл халдея, шута.

И до Сергея Михайловича, у Сергея Юткевича в фильме «Яков Свердлов» тоже сыграл две роли, совершенно разные — великого писателя Максима Горького и друга Свердлова, молодого уральского паренька Леню Сухова.

Конечно, так поступать — снимать одного актера в таких, где-то даже полярных ролях, могли только режиссеры очень крупного масштаба, глубоко понимающие природу актерского мастерства.

Поэтому — «оборотень». А почему «с помощью одной свечки»? Помните, князь Владимир Старицкий после царского пира входит со свечой в темный собор в царском облачении, в шапке Мономаха. А он знает, что царя хотят убить, и боится. Там очень долгий проход со свечой, под музыку Прокофьева, и не просто проход, а по сути огромная психологическая сцена. Конечно, мне тогда помогли и гениальная музыка Прокофьева, и Сергей Михайлович Эйзенштейн, режиссер, которому можно было довериться полностью. А сейчас мне говорят: «Вот видишь, Павел, прав оказался Эйзенштейн!»

И вот что интересно — недавно мне пришлось сыграть Романа Роллана в «Жизни Бетховена». Но ведь до Роллана надо было дорасти, накопить не только профессиональный, но жизненный опыт! В период комедии «Антон Иванович сердится» я до роли такого масштаба,

конечно, просто не дорос.

Или — после сорока лет мы вновь встретились на съемочной площадке с Сергеем Иосифовичем Юткевичем. Он предложил мне роль Поля Лафарга в картине «Ленин в Париже» — великого человека исключительной духовной чистоты, глубоко преданного делу революции, влюбленного в жизнь и человека. Чтобы сыграть такой образ, актеру нужно «дозреть».

— Вы хотите сказать, что зрелость дает актеру свои преимущества по сравнению с молодостью?

— Конечно. Вот, например, Вечный дед из «Сибириады» Андрея Михалкова-Кончаловского. Ведь сыграть просто старика безотносительно к тому, кто он, — это для характерного актера очень просто. А вот сыграть старика, который вобрал в себя мудрость трех поколений, — это сложно.

Помните, молодой нефтяник, открыв дверцу вездехода, кричит: «Дед, ты еще живой? Тебе же помирает пора, ты же чужой век догрызаешь». А дед ему отвечает: «Помирает не старый, а поспелый. Я, вить, еще не поспел».

Когда я думаю об этой фразе, я вспоминаю великих наших ученых Сеченова и Павлова, которые в зрелые годы сделали крупные открытия. Академик Павлов в старости произнес замечательную фразу: «И только точные знания могут привести человека к успеху, все

остальное — к конфузу». Я вспоминаю художника Айвазовского, который лучшую, с моей точки зрения, картину «Среди волн» написал в 81 год. И все они для меня ассоциируются с Вечным дедом.

И когда меня спрашивают: «Павел Петрович, не обидно ли вам смотреть свои старые фильмы?», я отвечаю: нет, не обидно, некоторые из них дошли до наших дней, прошли проверку временем, а раз так — они настоящие. И добавляю: не обидно, ибо для меня ворота искусства сейчас стали шире.

— Что вы имеете в виду?

— Вот, например, недавно я сыграл бандита, убийцу, роль для меня совершенно неожиданную. Сыграл потому, что люблю людей и ненавижу все страшное и черное в душе человека. Эту ненависть свою и вложил в Федора Кашлева в фильме «Пропащие среди живых». Я пытался разложить его духовный мир, чтобы все увидели, что все зло в человеке идет от душевной пустоты. И работа эта была для меня очень интересна. Или роль барона Треча в

двухсерийной ленте «Проданный смех» — властелина мира, владеющего решительно всем. Но что это значит, что он может, если Треч не умеет радоваться, не может смеяться.

Я смог выполнить завет моего школьного учителя, который, недавно встретив меня, сказал: «Ну вот, теперь настало время тебе учителя сыграть. Сыграй учителя, Павел, да не просто так, а по призванию». И я сыграл старого учителя в фильме Геннадия Полоки, который так и называется «Наше призвание» и, надеюсь, скоро выйдет на экраны. У моего учителя в картине есть такая песня:

Мы спины горбили
недаром,
Но так начертано судьбой,
Что было новым —
станет старым,
И постареем мы с тобой.
Но как же надо жить
учиться,
Как надо яростью гореть,
Чтоб в тормоз дней не
превратиться,
И постарев — не
устареть!

— Павел Петрович, вы снимаетесь в фильмах молодых режиссеров, с молодыми актерами...

— Да, судьба мне даровала в последние годы встречи с режиссерами Никитой Михалковым, с Андреем Михалковым — Кончаловским, Булатом Мансуровым, с актерами Сергеем Шакуровым, Юрием Богатыревым, Александром Калягиным... Это настоящие звезды современного советского кино, и, поверьте, я имею право на такие слова. Но в первую очередь это талантливые, удивительно глубокие люди. И я, человек, так сказать, перескочивший из другой эпохи, я счастлив тем, что мы вместе работаем, что мы одинаково думаем, что разделяем одни и те же заботы и радости.

Молодежь, с которой я сейчас общаюсь, она мне дает силу, и душевно я не считаю себя стариком. Повторю слова своего героя: главное, постарев — не устареет!